

Индикаторы поземельной конфликтности в анализе крестьянской идентичности периода аграрных трансформаций 1917–1920 гг.

Эдуард Вячеславович ГАТИЛОВ¹ , Вадим Павлович НИКОЛАШИН² *

¹ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»
398042, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, 30

²ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, г. Российская Федерация, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

*Адрес для переписки: nikolashin.vadim@yandex.ru

Аннотация. Изучение социального поведения в истории тесно связано с понятиями «ментальность» и «социальная идентичность». Являясь реальным фактором исторического процесса, ментальность проявляет себя в деятельности больших социальных групп, выступает психологическим обоснованием жизненных стратегий выживания. При этом ментальность сама несет в себе характер стратегии, что не объясняет тактических – поведенческих – реакций конкретной социальной группы на кризисные моменты существования, такие как эпидемии, войны, голодовки и пр. Конкретизация ментальных проявлений обусловила применение «тактической» категории социальной идентичности. Исследователи подчеркивают сложный смысловой контекст данной категории. Наше понимание завязано на социальной конкретике – на крестьянской идентичности. Последняя определяется как одобрение используемой в данной социальной группе стратегии выживания, практически реализуемой в определенном наборе повторяющихся поведенческих реакций, поведенческом паттерне. Целью исследования явилось изучение крестьянской идентичности конкретного региона – Черноземья – в период аграрных трансформаций 1917–1920 гг. Рассмотрены структура крестьянской идентичности, поведенческие реакции крестьянства на изменение условий хозяйствования, дана классификация поземельных конфликтов. Представлены индикаторные возможности поземельных конфликтов и определено место крестьянской идентичности в поведенческом паттерне черноземного крестьянства. Представленная методика индикации поземельных конфликтов для определения состояния крестьянской идентичности в 1917–1920 гг. может быть применена и при анализе иных исторических периодов. Исследование проведено на материалах архивов Липецкой, Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской областей.

Ключевые слова: ментальность, социальная рефлексия, крестьянская идентичность, поведенческий паттерн, поземельный конфликт, аграрные трансформации

Для цитирования: Гатилов Э.В., Николашин В.П. Индикаторы поземельной конфликтности в анализе крестьянской идентичности периода аграрных трансформаций 1917–1920 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 1. С. 191–207. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-191-207>

Original article
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-191-207>

Indicators of land conflict in the analysis of the peasant identity of the period of agrarian transformations of 1917–1920

Edward E. GATILOW¹ , Vadim P. NIKOLASHIN² *

¹Lipetsk State Technical University

30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398042, Russian Federation

²Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392000, Russian Federation

*Corresponding author: nikolashin.vadim@yandex.ru

Abstract. The study of social behavior in history is closely related to the concepts of mentality and social identity. Being a real factor in the historical process, mentality manifests itself in the activities of large social groups, acts as a psychological justification for life strategies for survival. At the same time, mentality itself carries the character of a strategy, which does not explain the tactical – behavioral – reactions of a particular social group to crisis moments of existence, such as epidemics, wars, hunger strikes, etc. The specification of mental manifestations led to the use of the “tactical” category of social identity. Researchers emphasize the complex semantic context of this category. The author’s understanding is tied to social specifics – to peasant identity. The latter is defined as the approval of the survival strategy used in a given social group, which is practically implemented in a certain set of repetitive behavioral reactions, a behavioral pattern. The purpose of this study is to study the peasant identity of a particular region – the Chernozem region – during the period of agrarian transformations of 1917–1920. The article considers the structure of peasant identity, the behavioral reactions of the peasantry to changing economic conditions, and gives a classification of land conflicts. The article also presents the indicator possibilities of land conflicts and determines the place of peasant identity in the behavioral pattern of the black earth peasantry. The presented methodology for indicating land conflicts to determine the state of peasant identity in 1917–1920. Can be applied in the analysis of other historical periods. The study was conducted on the materials of the archives of the Lipetsk, Voronezh, Kursk, Oryol and Tambov regions.

Keywords: mentality, social reflection, peasant identity, behavioral pattern, land conflict, agrarian transformations

For citation: Gatilov, E.E., & Nikolashin, V.P. (2023). Indicators of land conflict in the analysis of the peasant identity of the period of agrarian transformations of 1917–1920. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 28, no. 1, pp. 191-207. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-1-191-207>

ВВЕДЕНИЕ

Многообразие научных подходов и оценок восстановительного периода в советской России 1920-х гг. не исключает сохранения «белых пятен». К таковым следует отнести особенности психологического состояния и хозяйственного поведения крестьянства в указанный период, которые в значительной степени определяли как экономическое, так и

политическое поведение деревни. Создание властью новых и достаточно противоречивых условий хозяйственной деятельности ставили многомиллионное российское крестьянство перед поиском соответствующих моделей поведения, обеспечивающих корпоративное выживание. Выбор данных моделей опосредовался разнообразными аспектами, в частности, состоянием крестьянской идентичности, сложившейся в годы революционных

потрясений и Гражданской войны. Немаловажным является и аспект регионального зонирования, региональной хозяйственной истории, в ходе которой применялись традиционные или формировались и апробировались новые модели хозяйственного выживания.

Столкновение старых и новых поведенческих моделей в условиях экономического регресса (разрушение хозяйственной инфраструктуры регионов, специфика социальной мобильности, ограниченность ресурсной базы хозяйствования) выводили на новый уровень поземельную конфликтность. Являясь неотъемлемой частью функционирования традиционных крестьянских семейных хозяйств, поземельная конфликтность выступала регуляторным механизмом использования земельных ресурсов. Рост поземельной конфликтности в ходе земельного передела 1917–1920 гг. и попытки прививания новых форм хозяйственной деятельности в деревне отразили консервацию традиционных моделей выживания самого крестьянства.

Крестьянская идентичность, вопреки активизации внешнего коммуникационного воздействия, сохранила свое базовое ядро – способность обеспечить хозяйственное выживание в критических условиях бытия посредством минимизации потребностей. Однако новое послевоенное десятилетие с его разнонаправленной экономикой и политикой становилось испытанием для крестьянского сообщества по целому ряду направлений (выбор видов и способов хозяйственной деятельности, выбор поведенческих моделей, изменение демографического поведения, трансформация ценностного ряда, вариативность социальной мобильности и т. д.), продолжая трансформацию как самого социального слоя, так и крестьянской идентичности. Причем нюансы этому процессу придавало региональное зонирование с его природной специфичностью, особенностями ведения хозяйства, корпоративными ценностями и реакциями. С этой точки зрения изучение психо-поведенческого состояния крестьянства черноземных губерний в годы восстановительного периода через поземельную конфликтность является актуальным как для

восполнения научного знания о социальных трансформациях эпохи нэпа, так и апробации методики изучения подобных трансформаций.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для реализации поставленных в исследовании задач определены традиционные и новые методы исследования. В качестве первых предусмотрено применение:

– микроисторического анализа (исследование жизнедеятельности крестьянства конкретных населенных пунктов (деревень, сел) с определением локального компонента поземельной конфликтности);

– метод экстраполяции. Применение этого метода направлено на компенсацию пробелов в источниковой базе, в частности, при анализе процессов поземельной конфликтности;

– предполагается применение проблемно-хронологического подхода в изучении причинности поземельной конфликтности в трансформирующихся условиях экономической деятельности 1921–1927 гг.

В ряду новых предполагается применение следующих методов и подходов. Психоповеденческий подход предусматривает единство компонента национальной ментальности и социально-обусловленного поведенческого паттерна, реализуемого в понятии социальной идентичности. Являясь психическим свойством, психо-адаптационным ответом этнородственного сообщества на регионально-специфические условия существования, менталитет исторически обусловлен, закреплён в межпоколенной преемственности всем многообразием опыта практической жизнедеятельности, непосредственного поведения и поступков. Будучи национальным методом познания и отражения действительности, способ приобретения, переработки, оценки и хранения информации, получаемой обществом, менталитет имеет свои «узкие» проявления в функционировании отдельных социальных групп и профессиональных сообществ. Частным проявлени-

ем менталитета является ментальность – направление мыслительной деятельности, обусловленное целевой направленностью. Это утверждение является основанием для выделения крестьянской ментальности, как метода освоения жизненно важной информации, которая способствует выбору стратегии выживания конкретной общности. Поскольку жизненные потребности крестьянства при всей своей вариативности в целом устойчивы, то крестьянскую ментальность можно рассматривать как достаточно стабильную психологическую основу конкретного типа воспроизводства жизни в конкретной исторической среде, включая и временные, и территориальные, и природно-климатические особенности. Непосредственная физическая деятельность и психологическая работа крестьянства по отсеву, выбору и практическому воплощению жизненно важных практик формирует культуру социальной, в данном случае, крестьянской идентичности.

При использовании психо-поведенческого подхода актуальным является использование принципа регионального зонирования – учета природно-климатических особенностей, ресурсов (почвенных, рельефных, демографических, инфраструктурных) конкретного региона.

В ходе реализации предыдущего проекта¹ разработан и апробирован метод ретро-экспертизы, предполагающий выявление экспертных суждений в ходе анализа ряда процессов (например, поземельных конфликтов): доминантные оценочные суждения значительного количества селян можно рассматривать как маркеры идентичности макро- и микроуровней, где первый представлен сельскими обществами (общинами), второй – крестьянскими семейными хозяйствами.

Представленные подходы, принципы и методы исследования являются теоретическим основанием для проведения практической работы с источниками, формирования

информационной базы исследования и последующего анализа данных, формирующих научное знание о трансформационных изменениях крестьянской идентичности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Используя понятие «крестьянская идентичность» в исследовании истории отечественного аграрного реформирования, мы склонны рассматривать последнюю как универсальную категорию, включающую несколько уровней идентичности, а именно, личностную, семейную, средовую и публичную [1].

Личностная идентичность – это индивидуальная рефлексия земледельца на факт и способ его собственной жизнедеятельности. Семейная идентичность представляет собой рефлексию биосоциальной микросреды – семьи – консолидирующей, обеспечивающей психофизическое единство ее членов для реализации хозяйственных функций. Крестьянская семья является первичной основой воспитания индивида, микрокрестьянским сообществом, прививающим навыки и стратегии выживания в конкретной природно-географической среде. Поэтому семейная идентичность сопровождается формированием средовой идентичности – представлениями об окружающей природе (особенности климата, рельефа местности, наличие рек, лесов, оврагов, болот и пр.), окружающем социуме [2, с. 55], его речевых и фольклорных предпочтениях и особенностях, об инфраструктуре (близость/удаленность соседских деревень, сел, городов, транспортных узлов, ярмарок, рынков и т. д.). Средовая идентичность способствовала формированию «чувства дома», осознанию принадлежности к данной «малой родине». Сам факт функционирования и сохранения крестьянской семьи, домохозяйства исторически длительно был завязан на межсемейных отношениях внутри крестьянского мира – сельской поземельной общины, выступающей ментально-хозяйственной системой выживания. Заметим, что община, как форма хозяйственной и

¹ Грант РФФИ 19-09-0061А 2019–2020 гг. «Поземельные конфликты начального советского периода как индикатор трансформации крестьянской идентичности (1917–1920 гг.)».

духовной жизни, сохраняла свою высокую ценность для крестьян особенно в традиционных зонах земледелия. Как коллективный землепользователь община выполняла функции внутримирские и внешнемирские. Последние включали отношения с внешним миром – выполнение налоговых обязательств, государственных повинностей и обязанностей и пр. К первым относились регулирование земельных отношений: распределение, передел, защита земель, регламентация агротехнических работ, распределение и выполнение налоговой нагрузки; управленческо-социальные – организация сходов, выбор общинных должностей, решение внутриобщинных конфликтов, организация вспоможения (погорельцам, вдовам, сиротам и т. д.). Как справедливо замечает В.Ю. Соловьев, община выступала институтом, который обеспечивал социализацию индивида, его существование в рамках данной общности, накладывая одновременно вето на девиантное поведение, что обеспечивало целостность и постоянное воспроизводство социального организма [3, с. 15]. Таким образом, крестьянское сообщество формировало публичную идентичность, корректирующую стратегии поведения отдельных семей и их членов, прививая и сохраняя такие ценностные доминанты, как община (мир), мирская помощь, справедливость, домохозяин (общинник, крестьянская семья), труд и пр.

Рассмотренные уровни идентичности выступают психофизическим сопровождением эволюции крестьянского семейного хозяйства – живого биохозяйственного организма, основная природа которого, при всех возможных видах дополнительной занятости, определена трудовой деятельностью на земле. В силу причин природного, биологического, социального, экономического характера крестьянское хозяйство проживает конкретную жизнь – с подъемами и падениями, определенную Т. Шаниным как многомерная и циклическая мобильность [4]. Суть этой мобильности проявляется в обогащении/обеднении как результате хозяйственной деятельности; причем в жизни одного хозяйства может произойти несколько подъемов и

спадов. В основу модели мобильности крестьянского хозяйства британского социолога положены оценки материальных проявлений функционирования этого хозяйства на основе демографической и экономической статистики, что не объясняет поведенческих реакций крестьянства во время революционных потрясений и социально-экономических трансформаций 1917–1920 гг. Применительно к данному периоду Т. Шанин выделил некоторые особенности. Во-первых, им отмечается, что на отрезке 1917–1925 гг. экономические, социальные и культурные характеристики традиционного крестьянства в значительной мере способствовали укреплению внутренней сплоченности крестьянских общин, результатом чего стала чрезвычайно сильная внутренняя солидарность и ощущение принадлежности, которые испытывал каждый член крестьянской общины. Во-вторых, указывается на преувеличение масштабов социально-экономической дифференциации среди российских крестьян. В-третьих, наличие разнонаправленной и еще в большей мере циклической мобильности, по мнению Т. Шанина, препятствовало кристаллизации уже имеющегося социально-экономического расслоения внутри крестьянства. И, в-четвертых, политическое сознание крестьян формировалось в основном под влиянием общины и непосредственного окружения, что обусловило его узость [4, с. 244-245].

Данные обобщения характеризуют тенденции эволюции крестьянства, но не раскрывают поведенческих реакций крестьянства в аграрных трансформациях как 1917–1920 гг., так и последующего времени. Разрешение данной проблемы, с нашей точки зрения, возможно посредством выявления границ изменчивости крестьянской идентичности через анализ роли коммуникационной составляющей. Каждая историческая эпоха характеризуется своим набором и качеством коммуникационных каналов, но общеисторическая тенденция заключается в их количественном увеличении и росте массовости воздействия. На начало XX века традиционными коммуникационными каналами для

крестьянства выступали местные управленческие структуры (государственные, земские), церковь, странничество, отходничество, город (торговля), армия, школа. Со временем к ним добавится пресса, партийная пропаганда. Данные каналы оказывали дестабилизирующее воздействие не столько на хозяйственную деятельность, сколько на крестьянскую идентичность. Активизация коммуникационного воздействия внешней для крестьянского мира среды формировала основания для деструктивного поведения земледельческого сообщества и разрушения традиционной крестьянской идентичности.

Фундаментальным «оберегом» крестьянской идентичности длительное время оставался земледельческий традиционализм, включающий как сложившуюся в конкретном регионе систему земельных отношений, так и крестьянскую рефлексию на эту систему. Социальной и хозяйственной опорой традиционализма являлась сельскохозяйственная община. Конечно, сам «оберег» не находился в абсолютной автономности и неприкосновенности, напротив, включенный в систему социально-экономических отношений конкретного исторического времени и региона – он подвергается воздействию целого набора влияний, реализуемых через коммуникационные каналы. Поэтому характер региональной истории также являлся фактором влияния на состояние традиционализма. Так, Черноземье – регион доминирующей зерновой направленности со сложившимися нормами землепользования, а также соответствующим набором инструментария и агротехнологий и, как следствие, соответствующей производственной периферией (винодельные, сахаро-паточные, сушильные предприятия, коневодческие заводы и т. д.) [5, с. 103-124]. К тому же Черноземье представляло собой в недалеком прошлом зону широкого распространения барщины, что определило невысокий уровень благосостояния крестьянства, но высокую степень земледельческого консерватизма, не в последнюю очередь влиявшего на низкий уровень крестьянской мобильности. В этих

условиях основная часть черноземной деревни, следуя доминанте мирского коллективизма, продолжала сохранять традиционное землепользование, регуляторным механизмом которого продолжала оставаться общинная организация.

Таким образом, с начала XX столетия крестьянская идентичность существовала в условиях изменения влияния количества и качества коммуникационных каналов, с одной стороны, и изменения сопротивляемости крестьянского традиционализма, построенного на бытовании крестьянского хозяйства и крестьянской общины, – с другой. При этом, если на этапе революционных трансформаций 1917–1920 гг. снизился уровень социальной и хозяйственной мобильности крестьян (рис. 1), то в последующем он достаточно быстро восстановился, что ставит вопрос о нематериальных источниках данного восстановления, среди которых мы выделяем именно фактор прочности крестьянской идентичности.

Низкая социальная мобильность крестьянства, обоснованная Т. Шаниным посредством анализа крестьянских бюджетов, с трансформацией факторов воздействия при относительной стабильности традиционных крестьянских институтов – факторов противодействия, позволяют рассматривать период 1917–1920 гг. как своеобразный эталонный, «нулевой» период, в котором земледельческая деятельность стала доминантой выживания крестьянства черноземной полосы. Это позволяет рассматривать идентичность земледельцев данного периода как отправную точку в анализе последующей социальной и хозяйственной трансформации крестьянства. Вместе с тем для измерения данного эталонного состояния крестьянской идентичности необходимо выделить соответствующие средства.

Для выбора средств обратим внимание на то, что для крестьянства важным параметром бытия является легальность деятельности. Земледелец не был чужд нелегальным действиям – тайным порубкам, утаиванию, сокрытию или даже воровству, а в крайних

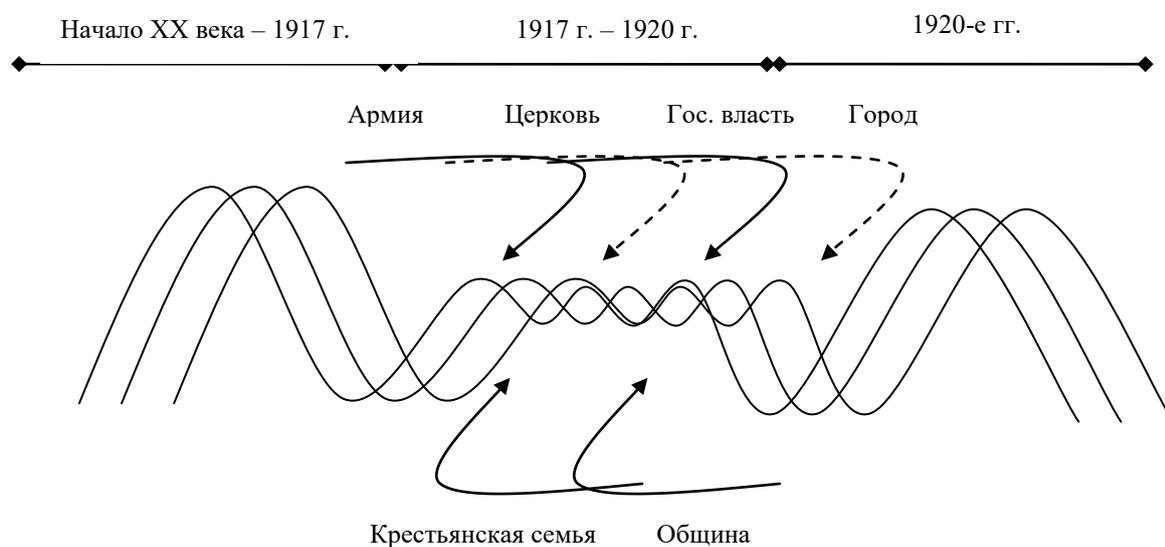

Рис. 1. Уровень социальной и хозяйственной мобильности крестьян в первой трети XX века и факторы воздействия и противодействия

Fig. 1. The level of social and economic mobility of peasants in the first third of the 20th century and factors of influence and counteraction

случаях – бунту, вооруженному противостоянию. Но в крестьянской среде существовал механизм «легализации» юридически незаконных действий, основанный на применении норм обычного права и, в частности, понятия целесообразности, выражаемого в терминах божественной справедливости и оправдания через общественное мнение. Как правило, за этим стояли два крестьянских института – семья и община. После 1917 г. ограничение возможностей ведения традиционного землепользования (запрет трудового найма, аренды и купли-продажи земли), пусть и при определенном увеличении земельных площадей, а также в условиях сужения сферы приложения дополнительной занятости и при высоком уровне продовольственных изъятий ставили земледельческое население черноземных губерний перед необходимостью отстаивания в сложившихся обстоятельствах максимально приемлемых условий работы на земле. В связи с этим поземельный конфликт становился ведущим легальным регулятором поземельных отно-

шений между крестьянскими хозяйствами и земледельческими общинами. Понятно, что главная причина активизации поземельных конфликтов конца 1917–1918 гг. была связана непосредственно с земельным переделом, осуществляемым крестьянством первоначально самостоятельно, а затем в облачении правовых норм декрета «О земле» и «Основного закона о социализации земли». Но сам факт поземельного конфликта свидетельствует о готовности субъектов конфликта к легальному и традиционному решению возникших противоречий. И для исследования важно, в какой мере поземельный конфликт может выступить индикатором измерения крестьянской идентичности.

С нашей точки зрения [6], виды поземельных конфликтов (далее – ПК) – (внутриселенные (далее – ВК), межселенные (далее – МК)) – отражают проявления уровней крестьянской идентичности (рис. 2).

То есть в процессе прохождения поземельного ВК главным субъектом выступает

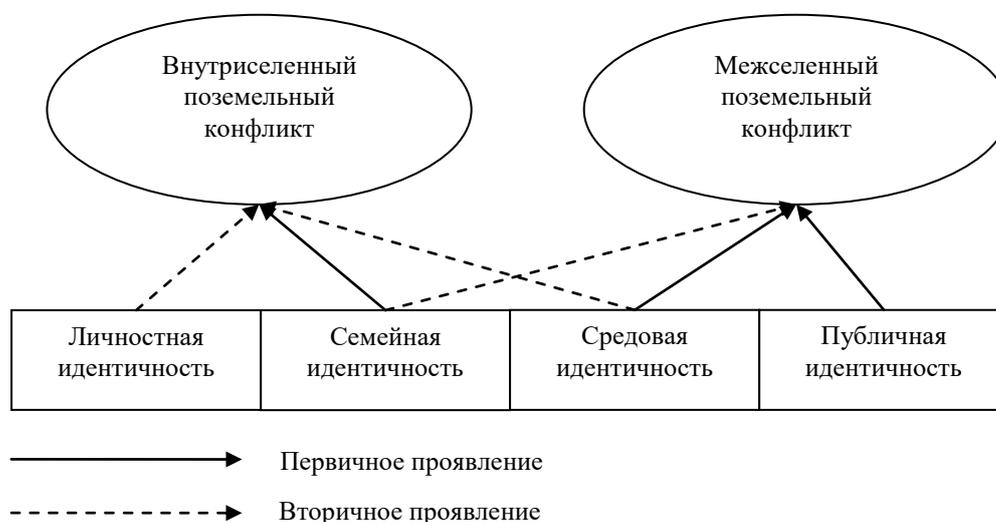

Рис. 2. Взаимосвязь видов крестьянской идентичности и видов поземельных конфликтов
Fig. 2. Relationship between types of peasant identity and types of land conflicts

крестьянское семейное хозяйство, что и определяет ведущую роль семейной идентичности в развитии данного вида конфликта. Личностной и средовой идентичности в его прохождении отводится немаловажная, но все же второстепенная роль. Роль личностных характеристик участников конфликта, как и роль окружения, в том числе и родственного, несомненно, проявляется по мере его прохождения, но далеко не доминирующим образом. Конечно, разрешение внутриселенного конфликта вряд ли возможно без участия сельского общества, сельской администрации. Но и в этом случае они в большей мере принимали участие на заключительном этапе развития конфликта, вовсе не гарантируя его полного разрешения и завершения.

Публичная и средовая идентичности выступают в возникновении МК главными мотиваторами, отражая коллективную реакцию на земельное противоречие в его территориальном (ландшафтном) проявлении, что делает семейную идентичность хоть и несомненно важной, но все же вторичной рефлексией на конфликт.

Таким образом, поземельный конфликт – это наиболее отработанная реакция на воз-

никшее в крестьянской среде противоречие в области землепользования. Следовательно, анализом мотивов данных реакций можно проследить динамику принятия/непринятия земледельцами трансформационных процессов: колебания ВК отразят рефлексии крестьянских семей на изменение жизненно важных параметров хозяйствования (усадебный сад, постройки, инвентарь, утварь и пр.), непосредственное состояние семейной идентичности; колебания МК отразят состояние публичной идентичности на фоне разрешения земельных противоречий.

Для анализа ПК принципиально важно выявить массовость крестьянского участия в них. Единых данных поземельной конфликтности за 1917–1920 гг. в Черноземье на текущий момент еще не выявлено. Экстраполируя показатели о поземельных конфликтах в регионе середины 1920-х гг. в сторону изучаемого периода, с оговоркой можно говорить о численном преобладании ВК. Однако важно учитывать, что количество спорных земельных дел по семейно-имущественным разделам и усадебным спорам, составляющих большинство ВК, охватывает незначительное число крестьян, так как последние

касались, как правило, одной–двух семей. Усадебные споры, особенно в 1918 г., когда и приусадебные земли стали объектом внутриселенного передела, могли вызвать конфликтность среди ряда хозяйств, но в большинстве случаев и они затрагивали два–три смежных семейных хозяйств. В то же время спорные дела по единоличному землепользованию и тем более по земельным переделам и общественному землепользованию, то есть МК, охватывали целые общины с десятками и сотнями крестьянских дворов. В нижеприведенном анализе рассмотрено 122 межселенных конфликта, за которыми стояло не менее 200 тысяч крестьян [7]. Таким образом, МК при своей статистической немногочисленности являлся отражением коллективного мнения существенного количества земледельцев, что делает этот вид конфликта важным индикатором крестьянской идентичности.

Для проведения анализа поземельных конфликтов необходимо учесть ряд моментов. Во-первых, в центре поземельных споров находилась не только земля (усадебная, огородная, пахотная, луговая, сенокосная, садовая), но и связанные с ней инфраструктурные объекты – дороги, пруды, водопои, прогоны, переправы, то, что в зависимости от местности, рассматривалось важным производственным или сопутствующим фактором.

Во-вторых, поскольку ПК носили преимущественно характер внутриселенных и межселенных споров, то для последующего анализа не принципиальным является учет административных уровней их разрешения. Исследование позволяет сделать вывод, что чем выше был уровень разрешения поземельного конфликта, тем более затяжной характер приобретало течение конфликта.

В-третьих, нами выделены оценочные критерии – маркеры, посредством которых определяются доминирующие хозяйственные параметры, принципиально важные для обеспечения функционирования крестьянских хозяйств и целых сельских обществ. В основе этих маркеров лежит мнение самого крестьянства, его экспертная оценка. В силу этого критерии оценки ПК и приобретают свойства индикации соответствующей иден-

тичности: так, маркеры ВК по различным вопросам (усадеб, огородов, границ, близости объектов сельской инфраструктуры и пр.) в своей динамике отражают состояние изменчивости, прежде всего, семейной, а затем и средовой идентичности. В определенной степени информация по ВК позволяет консолидировать данные и по личностной идентичности. Критерии оценки МК демонстрируют состояние публичной и средовой идентичности – готовность или неготовность селян к ведению земледельческой деятельности в традиционных формах самоорганизации при участии (давлении) разнообразных внешних факторов.

В-четвертых, выделенные маркеры поземельных конфликтов делятся на производственные и непроизводственные. Так, если площадь земли является важным производственным фактором, то соблюдение справедливости, равенства выступает важным непроизводственным фактором, который, в свою очередь, влияет на поведенческие реакции, на выбор конкретных действий земледельцев. Данная градация позволяет определить доминанту хозяйственных или внешнехозяйственных мотиваторов крестьянского поведения.

В качестве маркеров ПК в исследовании выделены следующие.

Малоземелье. В крестьянских оценках отражает осознание недостатка в хозяйственной деятельности как пахотных земель, так и иных земельных угодий – луговых, сенокосных и пр. В маркере рассматривается и качество земли, учитываемое крестьянством при проведении разверстания, переделов, так как худые, выработанные, меловые, глинистые земли, даже при условно достаточной площади не могли обеспечить потребительские нужды земледельцев.

Конфигурация. Включает удобство/неудобство пользования земельными массивами, обусловленное наличием вклиниваний, вкраплений, череположности либо нечеткостью границ. Значимость маркера определяется потенциальными трудозатратами, связанными с доступностью производственных объектов, а следовательно, возможностью и

удобством проезда, транспортировки инвентаря, семенного материала, урожая, удобрений, прогона скота. Конфигурация, как самостоятельный критерий, имеет непосредственное отношение к следующему критерию.

Расположение – производственный критерий, отражающий расстояние до обрабатываемых земель, а также иных объектов сельской инфраструктуры, например, водоемов, выгонов, поселков. Так, даже при близком нахождении земельного участка от места проживания пользователя вытянутость последнего обеспечивала дальнотемелье и увеличение трудозатрат. Как и компактный участок в значительном удалении не сокращал затраты на транспортировку.

Трудовые затраты. Это производственный критерий, включающий в себя материальные затраты крестьянского хозяйства или сельского общества – семена, инвентарь, корм для рабочего скота и пр., так и трудовую энергию земледельцев, затраченную на выполнение тех или иных видов работ.

Традиции пользования. Настоящий критерий отнесен к непроизводственным. Для земледельцев было важно легитимизировать использование конкретных земель в различных спорных ситуациях. Поэтому сельским обществам было важно, с каким статусом тот или иной массив был в их земледельческом прошлом – надельным, купленным, арендованным. Составной частью критерия является оценка «свой помещик»: крестьяне рассматривали земли близлежащих помещиков как приоритетные в получении при проводимой разверстке частновладельческих земель. Необходимо уточнить, что в процессе разверстки частновладельческих земель 1918–1920 гг. крестьянские сообщества стали понимать под «традициями пользования» не только исторически отдаленный опыт использования земель, но и приобретенный. Так, если в процессе ежегодной разверстки те или иные отведенные земли воспринимались конкретным сельским обществом как удобные, добротные, то в случае последующего передела, если эти земли могли отойти другому обществу, факт

их использования трактовался именно в рамках традиций пользования. На основе такой крестьянской легитимизации фактически создавался прецедент для поземельного конфликта.

Специфическим маркером выступает **справедливость**, так как является катализатором как положительных, так и отрицательных факторов хозяйствования. Для крестьян было важно соблюсти равенство возможностей, равенство условий хозяйственной деятельности. Поэтому, например, неудобства пользования тем или иным земельным ресурсом – из-за удаленности, труднодоступности и прочее – или иным другим объектом, могли ухудшать производственные характеристики, но поскольку это ухудшение касалось всех хозяйств общества или нескольких сельских обществ, то оно рассматривалось как естественное справедливое допущение. В составе данного критерия рассматривается и крестьянская оценка качества земли. Плодородие земель в большей степени имеет производственный характер. Но в подавляющем большинстве крестьянских споров качество почв рассматривается как фактор справедливости. Например, в ПК более высокая норма надельного одной волости по отношению к другой рассматривалась как справедливая, поскольку у другой волости, как утверждалось одной спорящей стороной, более плодородная, качественная земля. В подобном случае производственный характер спорных объектов отходил на второй план, а справедливость выступала доминантой.

Административный ресурс – непроизводственный маркер, который отражает явные ошибки, просчеты в процессе земельного передела, осуществленные представителями административных структур как низового (волостного) уровня, так и более высокого уездного или губернского.

С нашей точки зрения, представленные оценочные критерии по-разному проявляют себя в зависимости от вида поземельного конфликта – МК или ВК. Можно говорить о разнонаправленности оценочных критериев в каждом виде конфликта (рис. 3).

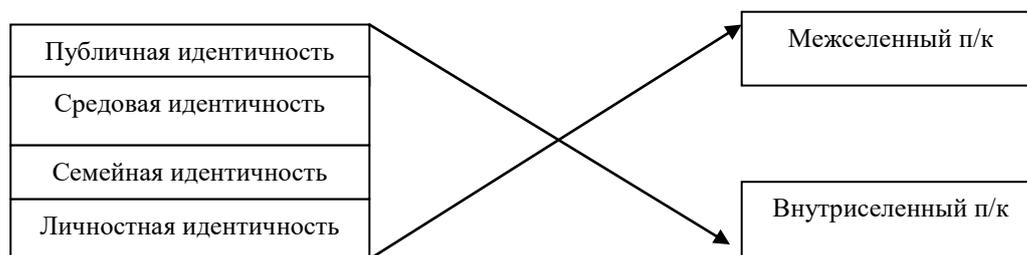

Рис. 3. Степень проявления оценочных критериев в межселенном и внутриселенном поземельных конфликтах

Fig. 3. The degree of manifestation of evaluation criteria in inter-settlement and intra-settlement land conflicts

То есть в рамках МК оценочные критерии, отталкиваясь от личностного восприятия (личностной идентичности) и полезности для семейного хозяйства, формировались, отражались и проявлялись в публичной идентичности. Совершенно противоположная ситуация в случае ВК, где оценочные критерии личностной и семейной идентичности оказывали наибольшее воздействие на ход поземельного конфликта, чем публичная идентичность. Подтвердить данный тезис позволяет анализ поземельных конфликтов.

Поскольку в рамках отдельного ПК количество оценочных суждений колебалось от одного до нескольких, то общая их численность составила 182 единицы. На рис. 4 представлена степень проявления оценочных критериев в 122 межселенных поземельных конфликтах. Указанные ПК имели место в 26 черноземных уездах (84 волости) пяти губерний в диапазоне 1918–1920 гг. Данные представлены как в количественном, так и в процентном соотношении.

Среди производственных оценочных критериев наибольшее внимание крестьянами было уделено, прежде всего, конфигурации (18 %) и расположению (20 %) земельных участков, перешедших в распоряжение обществ в ходе земельного передела, что связано с оценкой потенциальных затрат на землепользование. Для крестьян принципиально важными были доступность и близость отводимых земель, формирующие объем трудовых затрат, саму возможность приложения

трудовых усилий. В отдельных ПК близость отводимых земель вовсе не означала легкой возможности их использования: конфигурация земельных массивов, их черезполосное размещение, необходимость пересечения узких «транспортных ворот» в совокупности формировали комплекс негативных факторов, превышавших положительный эффект от близкого расположения. При этом оценка негативных моментов осуществлялась в процессе публичного обсуждения. В большинстве рассмотренных конфликтов документы – заявления, прошения, приговоры, протоколы общих собраний сельских обществ – доносят результат публичного обсуждения, выводя его ход, споры, обсуждение приемлемых вариантов за границы текста. Итоговые заключения в конфликтных ситуациях доносили до оппонентов или представителей власти, уполномоченные от сельских обществ.

В ряду производственных маркеров, малоземелье, как ни странно, не является доминирующим (14 %). В рассмотренных ПК данная категория связана не только с оценкой достаточности пахотных земель, но и сенокосов, лугов, выпасов и пр. Второстепенность малоземелья в крестьянских оценках является важным показателем состояния публичной идентичности. Дело в том, что сужение операционных возможностей крестьянства в земледельческой деятельности оказалось более значимым для ведения крестьянского хозяйства, чем сама площадь земли. Существенная удаленность земельных

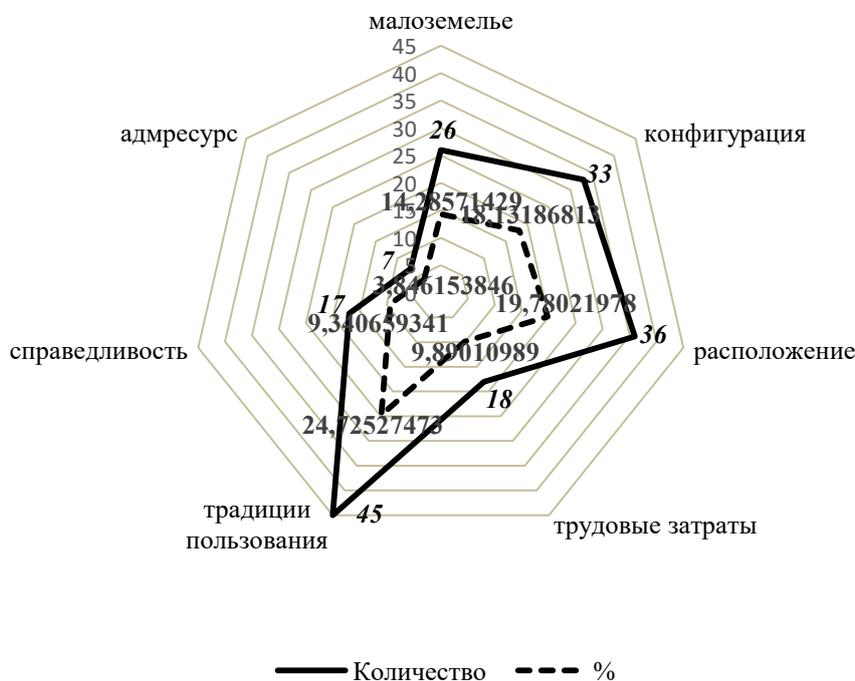

Рис. 4. Производственные и непроизводственные оценочные критерии в межселенных поземельных конфликтах 1918–1920 гг.

Fig. 4. Production and non-production evaluation criteria in the inter-settlement land conflicts of 1918–1920

массивов от мест проживания приводила к тому, что селяне вынуждены были отказываться от обработки дальних участков. То есть при всем недостатке земельного обеспечения крестьяне готовы были мириться с ним, лишь бы не допустить чрезмерного возрастания трудовой нагрузки как в отношении себя, так и в отношении, например, имеющегося рабочего скота. С этой точки зрения тем более удивительным является низкий оценочный уровень еще одного производственного показателя – трудовых затрат – всего 10 % от всей совокупности.

Анализ ПК позволяет заключить, что крестьяне достаточно точно могли оценить уже совершенные трудовые затраты, выработав достаточно простой, но всеми приемлемый компенсаторный механизм – либо осуществление ответных трудовых усилий, ра-

бот, призванных покрыть уже приложенный труд, либо материальная компенсация (например, в случае посева учитывался потраченный на засев семенной материал, его количество; причем ни в одном случае не рассматривался вопрос качества посевного материала, что, вероятно, свидетельствует о высокой степени его однородности), либо денежная компенсация за определенный вид работ по рыночной оценке (несмотря на рекомендованные сверху ценовые нормативы). На основании этого можно сделать вывод, что осуществленные трудовые затраты с точки зрения публичной идентичности крестьянства имели меньшую ценность, чем неосуществленные, потенциальные трудовые усилия.

Итак, в отношении производственных факторов оценочные суждения черноземного крестьянства демонстрируют удивительное

единство в приоритетах. Наибольшая значимость отдана инфраструктурным, а не количественным характеристикам землепользования. Следовательно, с высокой степенью уверенности можно утверждать, что сужение возможностей приложения трудовых усилий в иных сферах занятости (отход, промыслы и пр.) и, как следствие, сокращение возможностей для изменения социальной мобильности, формировало публичный поведенческий паттерн, нацеленный на минимизацию трудовых затрат, за которым, в свою очередь, стояла натурализация хозяйственной деятельности черноземного крестьянства. О тенденции минимизации затрат свидетельствуют и суждения в отношении маркеров непроизводственного характера.

Ведущее положение в данной группе занял маркер «традиции пользования» – 25 % от всей совокупности оценочных критериев. Традиции пользования в отношении земли были важны в той мере, в какой отражали состояние сельской инфраструктуры, то есть наличие переправ, прогонов, удобного рельефа, что в целом повышало доступность к тем или иным угодьям, сокращая трудозатраты. В то же время в рамках данной традиции использование прежних земель давало сельским обществам определенные преимущества, в частности, в возможности оценки потенциальных трудозатрат, так как было уже достаточно известно состояние обрабатываемых почв (их плодородие, выпаханность), определения временных затрат, объемов работ на возможное восстановление качества почв (унавоживание, водоотведение), транспортировку и т. д., что также было нацелено на минимизацию трудовых усилий. Немаловажно, что традиции пользования нередко воспринимались и как право пользования конкретным земельным массивом. Особенно это распространялось на земли бывших частных владельцев, объединенных представлением «свой помещик». В отношении этих земель общинами выбирались те доводы, и те пути легитимизации претензий, которые позволяли бы с наибольшей вероятностью их отстоять. Поэтому в ход шли как традиции землепользования, так и решения новых ор-

ганов власти – в зависимости от того, что могло обеспечить полноту доводов для принятия наиболее выгодного решения по спорному участку. Интересы отдельных хозяйств, как и мнения наиболее авторитетных представителей сельских обществ, несомненно, играли роль в формировании доводов и принятии решений, но они не были определяющими, поскольку публичная идентичность формировала доминанту оценочного критерия «традиции пользования» в качестве правового основания в разрешении поземельных споров. Фактически данный критерий в 1917–1920 гг. демонстрировал массовое отношение к нормам обычного права: вложенный труд, пот, деньги выступали основаниями права пользования, то есть – традиции. Однако следует отметить, что данный маркер показателен и в отношении хозяйственного поведения крестьян, поскольку демонстрирует готовность земледельцев сохранять традиционные формы хозяйствования в виде единоличного пользования и организационные формы крестьянского сообщества в виде сельских обществ.

Маркеры «справедливость» и «административный ресурс» в рассматриваемой совокупности ПК имеют невысокий процент – 9 и 4. Роль «справедливости» в оценках черноземного крестьянства, как уже отмечалось выше, сводилась в большей степени к соблюдению равенства хозяйственных условий. С нашей точки зрения, данный маркер в своем невысоком значении отражал средовую идентичность, то есть он обобщал восприятие негативных и позитивных состояний окружающей среды и формировал убеждение в необходимости их равномерного распределения между отдельными земледельцами или обществами. Невысокий показатель маркера «справедливость» свидетельствует о его компенсаторском содержании, о дополнении в регуляторном механизме межкрестьянских отношений.

«Административный ресурс» в публичном восприятии крестьянства связывался с возможностью потери/сохранения/приобретения удобств землепользования. Вместе с тем несформированность управленческого

механизма, отсутствие опыта управления сложными землераспределительными процессами при ограниченности практически всех видов ресурсов создавали основания для широкого поля недочетов, ошибок со стороны волостных, уездных и губернских земельных органов в реформировании землепользования. А это, как правило, ухудшало возможности крестьянского хозяйства, вызывало рост трудовых и материальных затрат, что для большинства хозяйств создавало критические условия функционирования.

Таким образом, маркеры МК отражают состояние публичной и средовой идентичности черноземного крестьянства – высокую степень сохранения традиционных основ ведения крестьянского хозяйства в черноземной природно-климатической зоне. В условиях резкого ограничения видов земледельческой и неземледельческой деятельности для своего хозяйственного и физического сохранения крестьяне вынуждены были минимизировать трудовые затраты, уровень потребления и в границах натурального хозяйства обеспечить собственное выживание. Рассмотренный паттерн в определенной степени подтверждается и характеристикой внутриселенных поземельных конфликтов.

На данном этапе исследования отсутствие достаточного статистического материала по упомянутому виду конфликтов позволяет на уровне гипотезы рассмотреть проявления крестьянской идентичности. Имеющиеся данные по 186 ВК в Воронежской и Курской губерниях не являются высоко репрезентативными, но характеризуют отдельные состояния крестьянской идентичности.

В рассматриваемых примерах ВК основными объектами споров являлись усадебные земли, а также земли – объекты семейно-имущественных разделов. Отдельные земельные площади не поддаются точному определению: среди них есть садовые участки, огороды. Все это стало основанием для выделения трех оценочных критериев – усадьба (усадебные земли), раздел (семейно-имущественный раздел, обуславливавший и раздел надельных земель), иные земли. Исходя

из данной градации, осуществлено сравнение данных по периоду 1918–1920 и 1924–25 гг. (рис. 5). Представленная на рис. 5 разница данных по критериям «усадьба» и «раздел» за 1918–1920 и 1924–1925 гг. не является существенной, что позволяет рассматривать их состояние как достаточно регулярное, стабильное на протяжении 5–7 лет, а следовательно, подтверждает первостепенную важность рассматриваемых критериев. Действительно, усадебный участок с жилыми и сопутствующими постройками являлся ядром крестьянского хозяйства. Исследователи отмечают, что «проходя различные периоды своего становления, крестьянская усадьба могла видоизменяться в зависимости от экономических приоритетов семьи» [8, с. 810].

Но вне зависимости от стадии развития крестьянской семьи усадьба оставалась базовым инфраструктурным объектом, без которого полноценное функционирование хозяйственного организма было практически невозможно. Высочайшая значимость усадебного участка в жизни земледельцев обуславливала остроту поземельных конфликтов, завязанных на спорных элементах усадеб (площадь, границы, конфигурация, доступность, постройки и пр.). Вместе с тем в процессе семейно-имущественных разделов усадьба становилась также предметом дележа, от которого зависели стартовые возможности выделяющихся хозяйств. Поэтому «усадебный» оценочный критерий сохраняет свою первостепенность как в 1918–20 гг., так и в 1924–25 гг. (рис. 5).

Высокая роль усадьбы отмечается не только в рамках хозяйственного контекста: усадьба выступала и фундаментальным основанием формирования личностной, семейной и средовой идентичностей. Через дом, его внутреннее пространство и убранство, через постройки со всем их хозяйственным насыщением, формировались личностные представления о принадлежности, о собственности, о дозволенном, о допустимой манере внутрисемейного поведения. Через людей, семьи, населяющие внутрисемейное и усадебное пространство, через иерархию

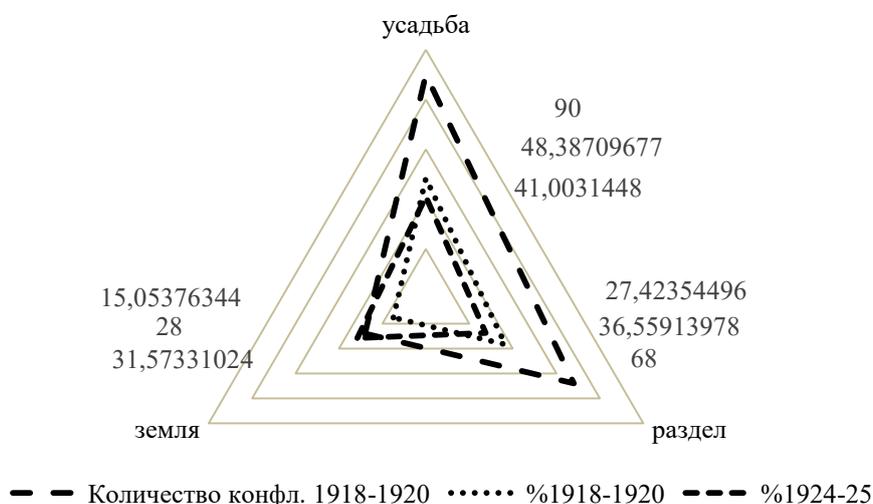

Рис. 5. Оценочные критерии во внутриселенных поземельных конфликтах 1918–1920 гг.
Fig. 5. Evaluation criteria in intra-settlement land conflicts 1918–1920

полов, возрастов, работ формировалась семейная идентичность. В рамках усадьбы происходило и начальное становление средовой идентичности, «усадебного мироощущения, открывающего духовное многообразие окружающего мира» [9, с. 183]. Достаточно близкие цифровые данные по усадебным поземельным спорам и семейно-имущественным разделам на отрезке 1918–1925 гг. дают основания говорить о высокой степени сохранности и стабильности хозяйственных и идентичностных оснований в среде черноземного крестьянства.

ВЫВОДЫ

Крестьянская идентичность де-факто представляет собой корпоративную тактику выживания, включающую набор устоявшихся реакций на изменение условий хозяйственной деятельности. Главными изменениями на отрезке 1917–1920 гг. стали незначительное увеличение землепользования за счет включения в сферу крестьянской деятельности частновладельческого массива и ухудшение условий хозяйствования из-за снижения управляемости и военных дейст-

вий Гражданской войны и продовольственных изъятий. На примере черноземного крестьянства рассмотрено состояние корпоративной рефлексии на аграрные трансформации через анализ поземельной конфликтности. Поземельный конфликт является острой реакцией земледельцев на изменение параметров хозяйственной деятельности. Нами предложена методика оценки видов поземельного конфликта посредством выделения набора значимых для крестьянства хозяйственных параметров, представленных в виде оценочных критериев – производственных и непроизводственных маркеров. Анализ проявления производственных маркеров в меж- и внутриселенном поземельном конфликте позволяет заключить, что реально значимыми для земледельцев Черноземья стали конфигурация и расположение полученных земельных массивов и сохранение усадьбы (двора) как базового инфраструктурно-хозяйственного объекта. Среди непроизводственных маркеров первостепенное значение сохранили традиции землепользования, отразившие устоявшееся представление крестьян в отношении состояния сельской инфраструктуры. В своей совокупности выделен-

ные маркеры отражают рефлексию черноземного крестьянства на осуществление трудозатрат. Данный компонент хозяйственной деятельности становится ведущим в обеспечении функционирования крестьянского хозяйства черноземной природно-климатической зоны в условиях хозяйственного кризиса 1917–1920 гг. Минимизации трудовых затрат и уровня потребления с натурализацией хозяйственной деятельности формировали массовый поведенческий паттерн выжива-

ния. Крестьянская идентичность делала допустимым данный паттерн до определенного хозяйственного предела, нарушение которого властями в 1920 г. вызовет масштабное тамбовское восстание. Нэп не устранил поземельной конфликтности, напротив, усилит ее. Это создает основания для последующего апробирования предложенной методики в исследовании крестьянской идентичности и ее роли в последующих аграрных трансформациях.

Список источников

1. Гатилов Э.В. Крестьянская идентичность как фактор изучения социальных трансформаций конца XIX – начала XX в. // История: факты и символы. 2020. № 3 (24). С. 17-30. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-24-3-17-30>, <https://elibrary.ru/hhwv1x>
2. Щербак И. «Идентика» в российской социологии // Социальная идентичность: способы концептуализации и измерения: материалы Всерос. науч.-метод. семинара / под ред. О.А. Оберемко, Л.Н. Ожиговой. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т, 2004. С. 46-62. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Novye_publicazii/Soc_ident_Oberemko_2004.pdf
3. Соловьев В.Ю. Особенности мировоззрения и хозяйственный уклад русских крестьян в пореформенный период XIX – начала XX в. (на материалах губерний Поволжья) // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сб. тр. участников науч. конф. / под ред. С.А. Есикова. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. С. 15-22. URL: <https://tstu.ru/book/elib/pdf/2010/kuznecova-a.pdf>
4. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М.: Дело, 2020. 408 с. <https://elibrary.ru/rffubp>
5. Терещенко А.А. Развитие промышленности в городах Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-2 (19). С. 103-124. <https://elibrary.ru/onmwcv>
6. Гатилов Э.В., Николашин В.П. Поземельные конфликты Черноземья начального советского периода 1917–1920 гг. // Клио. 2019. № 12 (156). С. 106-12. <https://elibrary.ru/ayvlea>
7. Гатилов Э.В., Николашин В.П. Источники по проблематике поземельных конфликтов в черноземной деревне 1917–1920 гг. // Вестник архивиста. 2021. № 4. С. 1039-1050. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-4-1039-1050>, <https://elibrary.ru/jwkeyb>
8. Маляев В.Е. Крестьянская усадьба в российской деревне 1970–1980-х гг. // Известия ПГПУ им. В.Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 810-814. <https://elibrary.ru/pkbdwn>
9. Городнова Л.Е. Смысловый континуум понятия «усадьба» // Аналитика культурологии. 2010. № 2 (17). С. 183-190. <https://elibrary.ru/qzbhbj>

References

1. Gatilov E.V. (2020). Peasant identity as a factor in the study of social transformations in the late 19th – early 20th century. *Istoriya: fakty i simvol'y = History: Facts and Symbols*, no. 3 (24), pp. 17-30. (In Russ.) <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2020-24-3-17-30>, <https://elibrary.ru/hhwv1x>
2. Shcherbakova I. (2004). «Identika» v rossiiskoi sotsiologii [“Identification” in Russian sociology]. In: Oberemko O.A., Ozhigova L.N. (eds.). *Materialy Vserossiiskogo nauchno-metodicheskogo seminar «Sotsial'naya identichnost': sposoby kontseptualizatsii i izmereniya»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Methodological Seminar “Social Identity: Ways of Conceptualization and Measurement”]. Krasnodar, Kuban State University, pp. 46-62. (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Novye_publicazii/Soc_ident_Oberemko_2004.pdf

3. Solovlev V.Yu. (2010). Osobennosti mirovozzreniya i khozyaistvennyi uklad russkikh krest'yan v poreformennyi period XIX – nachala XX v. (na materialakh gubernii Povolzh'ya) [Features of the worldview and economic structure of Russian peasants in the post-reform period of the 19th – early 20th century (based on the materials of the governorates of the Volga region)]. In: Esikov S.A. (executive ed.). *Sbornik trudov uchastnikov nauchnoi konferentsii «Rossiiskii krest'yanin v gody voyn i v mirnye gody (XVIII–XX vv.)»* [Collection of works of participants of the scientific conference “The Russian peasant in the years of wars and in peaceful years (18th – 20th century)”]. Tambov, Tambov State Technical University Publ., pp. 15–22. (In Russ.) Available at: <https://tstu.ru/book/elib/pdf/2010/kuznecova-a.pdf>
4. Shanin T. (2019). *Neudobnyi klass: politicheskaya sotsiologiya krest'yanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [The Awkward Class: Political Sociology Peasantry in Developing Society. Russia 1910–1925]. Moscow, Delo Publ., 408 p. <https://elibrary.ru/rffubp>
5. Tereshchenko A.A. (2011). Development of industry in the cities of the Central Chernozem region in the second half of the XIX – early XX century. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*, no. 3-2 (19), pp. 103–124. (In Russ.) <https://elibrary.ru/onmwcv>
6. Gatilov E.V., Nikolashin V.P. (2019). Land conflicts of black earth of the initial Soviet period 1917–1920. *Klio = Klio*, no. 12 (156), pp. 106–123. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ayvlea>
7. Gatilov E.V., Nikolashin V.P. (2021). Sources on problematics of land conflict in the Chernozem village: 1917–1920. *Vestnik arhivista = Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 1039–1050. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-4-1039-1050>, <https://elibrary.ru/jwkeyb>
8. Malyazyov V.E. (2012). The peasant farmstead in the Russian countryside in the 1970s–1980s. *Izvestiya PGPU im V.G. Belinskogo = Proceedings of Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky*, no. 27, pp. 810–814. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pkbdwn>
9. Gorodnova L.E. (2010). The semantic continuum of the concept of “estate”. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies], no. 2 (17), pp. 183–190. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qzbhvj>

Информация об авторах

Гатилев Эдуард Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права, Липецкий государственный технический университет, г. Липецк, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4234-4333>, gatilow.e@yandex.ru

Николашин Вадим Павлович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-3595-8556>, nikolashin.vadim@yandex.ru

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 14.11.2022
Поступила после рецензирования 16.01.2023
Принята к публикации 20.01.2023

Information about the authors

Edward V. Gatilov, Cand. Sci. (History), Associate Professor of History and Theory of State and Law Department, Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4234-4333>, gatilow.e@yandex.ru

Vadim P. Nikolashin, Dr. Sci. (History), Associate Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-3595-8556>, nikolashin.va-dim@yandex.ru

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

Received 14.11.2022
Revised 16.01.2023
Accepted 20.01.2023